

Н. Г. ИВАНОВА

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ НАИМЕНОВАНИЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А. С. ПУШКИНА

В статье проанализированы особенности функционирования когнитивной метафоры в эпистолярных текстах А. С. Пушкина.

Ключевые слова: эпистолярный текст, когнитивная метафора, гештальт, постоянная метафора-следствие, А. С. Пушкин.

Для большинства представителей социума метафора — это прерогатива художественного творчества, один из аспектов изучения переносного значения слова в языке. Этот узкий взгляд на метафору в последние десятилетия постепенно преодолевается. На смену традиционному осмыслению метафоры как семантического преобразования по сходству на уровне ЛСВ слова-семемы приходит более глубокое её понимание: возникновение метафоры связано с концептуальным характером понятийной системы человека. «Суть метафоры, — приходят к выводу американские учёные Дж. Лакофф и М. Джонсон, — заключается в понимании и переживании сущности (thing) одного вида в терминах сущности другого вида» [1, с. 128]. Когнитивный аспект механизма метафоры подчёркнут и в её дефиниции, помещённой в «Лингвистической энциклопедии» Е. А. Селивановой: «метафора — найпродуктивніший креативний засіб збагачення мови, вияв мовної економії, семіотична закономірність, що виявляється у використанні знаків однієї концептуальної сфери на позначення іншої, нерідко уподібненої їй у якомусь відношенні» [5, с. 388]. Дж. Лакофф и М. Джонсон подчёркивают, что метафорическое понятие способно «структурировать наше восприятие, мышление и деятельность» [1, с. 127].

Эпистолярные тексты, в частности, письма А. С. Пушкина представляют уникальный материал, отражающий «определённый тип мышления — лингвокреативный, который порождает, с одной стороны, стереотипы, способствующие эффективной коммуникации», с другой — отражает в реальном континууме процесс формирования языковой личности автора, черты его идиостиля, «неординарность, языковой вкус и «преобразовательное» отношение к языку» [4, с. 64].

Эпистолярное наследие А. С. Пушкина представляет собой реализацию одной из конвенциональных метафор 'ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ', определяющей «строение концептуальной системы нашего общества, которая отражается в повседневном употреблении языка» [1, с. 136]. Эта метафора пронизывает жизнь каждого члена общества. Ведь жизнь человека структурируется как повествование, начинающееся с детства, юности, затем зрелости и т. д. Поэтому связность всем событиям в жизни каждого придаёт некая структурированная форма, именуемая гештальтом, — «константний цілісний складник свідомості, що існує в вигляді фігур, структур, образів і формується через прагнення структурування поля сприйняття і його усвідомлення незалежно від зміни й варіювання ознак об'єкта» [5, с. 84]. Языковая система и речевая деятельность организованы с помощью специальных структур знаний — гештальтов, которые служат для актуализации соотношения глубинных и поверхностных структур высказываний. Между разными гештальтами устанавливаются связи, вследствие чего они способны приобретать новые качества [Там же]. Кроме того, конвенциональным метафорам присущи следствия метафорического/неметафорического характера.

Учитывая материал исследования (письма, где А. С. Пушкин «рассказывает» историю своей жизни), приходим к выводу, что следствием для конвенциональной метафоры 'ЖИЗНЬ — ЭТО НЕКАЯ ИСТОРИЯ' является образная метафора 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА'. Эта метафора — одно из звеньев «разветвлённой и связной сети следствий» [1, с. 138], производящее другие следствия-метафоры, связывающие эпистолярное повествование о разных эпизодах — этапах гештальта, что позволяет придать связность жизненным событиям, описанным А. С. Пушкиным. Связность повествования предполагает категоризацию: высвечивание, актуализацию одних свойств, периферийность других — помещение их в ближнюю/дальнюю периферию. К актуализируемым событиям в гештальте 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА' относятся периоды жизни А. С. Пушкина, когда он испытывал душевную дисгармонию: до окончания лицея остаётся ещё год; ссылка в Кишинёв; пребывание в Одессе; ссылка в Михайловское; нахождение в Болдино в период вспышки холеры, притеснения цензуры, перлюстрация почты поэта. Эти события охватывают большой временной отрезок — более 16 лет. Несмотря на то что они разного характера, временной протяжённости и локализованности, для них характерно одно состояние — состояние несвободы, обособленности, изолированности, состояние, которое угнетает и подавляет поэта

и в юные, и в зрелые годы. Наблюдаются различные связи между событиями-эпизодами в их временной последовательности.

Данный гештальт обладает сложной разветвлённой структурой, где метафорическое следствие подобно эху связывает каждый переживаемый в прошлом эпизод с последующим. Таким образом, можно говорить о постоянной метафоре-следствии. Например, такой понятийной метафорой является 'ЖИЗНЬ — ЭТО УЕДИНЕНИЕ' с яркой негативной коннотацией (эмоцией и оценкой), что сообщается синтагматическим контекстом: *Что сказать о нашем уединении? Никогда лицей (...) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, назло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы живали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину* [2, с. 66].

В июле 1817 г. А. С. Пушкин уезжает в Михайловское: *...между тем как я скучал в псковском моём уединенье* [2, с. 70]. В стихотворении, которое А. С. Пушкин посылает в письме Н. И. Гнедичу из Кишинёва: *Твой глас достиг уединенья...* [2, с. 83].

Преппозитивные атрибутивы актуализируют принадлежность, локализованность состояния зависимости, несвободы: *моё чухонское уединенье* [2, с. 264]; *в болдинском уединении* [2, с. 373]; *моё уединение* [3, с. 154].

Уединение как обособленное состояние, необходимое для творчества, сопутствующее вдохновению, приобретает положительную коннотацию, семантику желательности лишь однажды в письме к близкому другу П. А. Плетнёву: *...мочи нет хотелось бы к вам не доехать, а остановиться в Царском Селе. Мысль благословенная! Лето и осень таким образом провёл я в уединении вдохновительном, вблизи столицы, в кругу милых воспоминаний и тому подобных удобностей* [3, с. 17].

К постоянной метафоре-следствию относится и образная метафора 'ЖИЗНЬ — ЭТО ОСТРОВ', впервые появившаяся в письме кишинёвского периода к А. И. Тургеневу (в составе развёрнутой метафоры): *Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать всего на несколько дней (одного ж не более) с моего острова Памфоса? Я привезу вам за то сочинение во вкусе Апокалипсиса...* [2, с. 84]. Через девять лет холера задерживает поэта в Болдино, и снова возникает потребность описать эту ситуацию вынужденной изоляции при помощи метафоры 'ЖИЗНЬ — ЭТО ОСТРОВ'. Вначале в письме к А. А. Дельвигу встречаем сравнение логического характера: *Я живу в деревне как в острове, окружённый карантинами* [2, с. 318]. А затем семантически близкую к этому сопоставлению метафору в группе ассоциативно связанных единиц — носителей образа — в письме к М. П. Погодину: *Дважды порывался я к вам, но карантинны опять отбрасывали меня на мой несносный островок...; Посылаю вам из моего Памфоса Апокалипсическую песнь* [2, с. 319].

Часть следствий гештальта 'ЖИЗНЬ — ЭТО КЛЕТКА' составляют пространственно-ориентационные глагольные метафоры. Они появляются в письмах А. С. Пушкина к близким людям из кишинёвской ссылки: *...удержите его* (кн. А. Лобанова — Н. И.) *по крайней мере до моего приезда — а я вынырну и явлюсь к вам* [2 с. 100]; *Я карабкаюсь и, может быть, явлюсь у вас* [2, с. 102]; *Я барахтаюсь в грязи молдавской, чёрт знает когда выкарабкаюсь* [2, с. 109]. В частях-этапах гештальта происходит корреляция между желанием обретения свободы поэтом и явлениями, зафиксированными в жизненном опыте членов социума.

Метафора-следствие может высвечивать какую-либо часть гештальта, например, его конечный этап — настоящее состояние. В письме к В. А. Жуковскому из ссылки в Михайловском: *Вот тебе человеческий ответ: мой аневризм носил я 10 лет и с божией помощью могу проносить ещё года три. Следственно, дело не к спеху, но Михайловское душно для меня* [9, с. 179]. После перлюстрации письма А. С. Пушкин пишет жене из Петербурга в Полотняный завод, передавая своё душевное состояние ориентационной метафорой на амбивалентном уровне: *Ух, кабы мне удрать на чистый воздух* [3, с. 136].

Метафорическое наименование структурирует познавательную и коммуникативную деятельность человека и входит в виде определённых языковых единиц в его концептуальную систему. Метафора может иметь разветвлённую систему следствий, среди которых — постоянные метафоры-следствия; они помогают устанавливать связь между различными эпизодами-событиями в необратимом реальном континууме эпистолярного текста.

Творчество и эпистолярные тексты писателя — совокупность реализации взаимообусловленных гештальтов, в том числе и метафорических.

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Язык и моделирование социального взаимодействия: [Сб. статей] / [Вступ. ст. В. М. Сергеева; Сост. В. М. Сергеева и П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова]. — М.: Прогресс, 1987. — С. 126—170.

2. Пушкин А. С. Собр. соч. в десяти томах / А. С. Пушкин. — М.: Правда, 1981. — Т. 9: Дневники. Воспоминания. Письма. — 448 с.

3. *Пушкин А. С.* Собр. соч. в десяти томах / А. С. Пушкин. — М.: Правда, 1981. — Т. 10: Письма. О Пушкине. — 447 с.
4. *Ремчукова Е. Н.* Креативный потенциал русской грамматики: монография / Е. Н. Ремчукова. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Книжн. дом «Либроком», 2011. — 224 с.
5. *Селіванова О. О.* Лінгвістична енциклопедія / О. О. Селіванова. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — 844 с.

Н. Г. Іванова

МЕТАФОРИЧНЕ НАЙМЕНУВАННЯ В ЕПІСТОЛЯРНІЙ СПАДЩИНІ О. С. ПУШКІНА

Статтю присвячено аналізу особливостей функціонування когнітивної метафори в епістолярних текстах О. С. Пушкіна.

Ключові слова: епістолярний текст, когнітивна метафора, гештальт, постійна метафора-наслідок, О. С. Пушкін.

N. G. Ivanova

METAPHORICAL NAME IN PUSHKIN'S EPISTOLARY HERITAGE

Peculiarities of cognitive metaphor functioning in epistolary texts by A. S. Pushkin are under analysis in the article.
Key words: epistolary text, cognitive metaphor, gestalt, permanent metaphor-consequence, A. S. Pushkin.

УДК 811.161.2'373.2:114/115 Гончар

О. Ф. НЕМИРОВСЬКА

ЗАГОЛОВОК ЯК АКТУАЛІЗАТОР ХУДОЖНЬОГО ЧАСУ І ПРОСТОРУ (на матеріалі роману О. Т. Гончара „Собор”)

У статті, на основі аналізу поетики заголовка роману О. Т. Гончара „Собор”, визначено різні засоби взаємодії назви і тексту художнього твору, стилістичні функції заголовка і його роль як актуалізатора художнього часу і простору в романі.

Ключові слова: заголовок, власні назви, художній час, художній простір.

Онiмний простiр художнього твору є складною розгалуженою системою, до складу якої входять власні назви (ВН) різних розрядів і класів. Митець добирає їх з реального іменника або створює у своїй письменницькій майстерні з конкретною творчою настановою. Кожна ВН має своє місце і роль у художньому цілому. Особливе місце в цій системі посідає заголовок (бібліонім) [9: 42], що відіграє в художньому творі роль епіцентру, першого знаку, який містко й образно передає смисл усього твору і є стрижнем усього лексико-семантичного поля. Заголовок є ключем до осмислення художнього цілого, це „своєрідний складник тексту, його перша вирізнена, графічно виділена архітектонічна частина. Назва має сконцентрувати сенс мистецького твору, відобразити авторський задум, привернути увагу до домінантних складників твору” [7: 211].

Починаючи з назви, що першою виконує сюжетоутворюючу функцію, текст поступово розгортається в художню цілісність, де все підпорядковується єдиній меті — розкриттю авторської концепції твору, того задуму, заради якого він і береться за перо. „Назва (...) при всій своїй стислості є насамперед синтез, душа твору, і потрібне чимале вміння, щоб кристалізувати в двох-трьох словах цю душу. Назва (...) повинна бути точною, стислою, характерною, витікати з сюжету, з характерів або з основної ідеї твору” [6: 46]. Образний світ митця, по суті, позначається цією стислою формулою — назвою твору і розгорнутим художнім контекстом. Сильна позиція заголовка, що передує твору, позначає його особливу роль у текстовому просторі. Заголовок знаходиться „між зовнішнім світом і простором художнього тексту і перший бере на себе основне навантаження у подоланні цієї мети” [5: 167].

Усе вищезазначене ще раз доводить важливість послідовного вивчення онімного простору художнього твору взагалі і заголовків зокрема, яким сьогодні на матеріалі творів української класичної та сучасної літератури приділяється ще недостатньо уваги. Проте саме назва твору є тим ключовим, стрижневим елементом художнього цілого, що пронизує всі рівні тексту і є дешифруючим засобом, що сприяє глибинному розумінню справжнього смислу твору; в ній містяться „і інформаційний смисл (інформаційно-стилістична функція), і оцінний момент (емоційно-